

1

Железный узел фронтов все туже стягивался вокруг фашистской Германии. С севера наши войска подступили к Пруссии, с юга надвигались через Венгрию, Чехословакию. Плечом к плечу с нашей армией вставляли народные вооруженные силы Польши, Румынии, Болгарии, Югославии. С нами рядом воевала армия генерала Свободы.

Осень сорок четвертого года уже писала приговор тем, кто развязал войну и натворил в мире столько бед.

На нашем фронте прочно держалось затишье. Истребители изредка вылетали на прикрытие передовых позиций. Но чем дальше на запад продвигались войска соседних фронтов, тем больше чувствовалась необходимость наступления с сандомирского плацдарма.

Весь октябрь, солнечный и теплый, на аэродромах пухнул гул тренировочных полетов. «Аэрокобры» теперь чаще отдыхали, «ласточины» не остывали с утра до вечера. Переучивание на новые машины стало нашей первой боевой задачей. Ла-7 для всего полка еще не поступили, их ожидали. Но даже если они придут не скоро и нам придется продолжать войну на «кобрах», все равно тренировки на отечественных истребителях пойдут впрок. Предстояла решающая битва. К ней надо было готовиться.

После каждой паузы в боевых действиях перед очередным наступлением я всегда испытывал такое чувство, словно впервые включался в войну. Время наступления, климатические условия, своеобразная наземная обстановка требовали особенной, тщательной подготовки к каждой операции. Поздней осенью и зимой в этих краях много дней хмурых, с туманами, внезапными снегопадами. Поэтому наши летчики снова засели за освоение опы-

та полетов при плохой погоде, воздушных боев под облаками, свободной «охоты». Молодежь слушала рассказы бывалых, со «старичками» занятия проводил я.

Опыт нашей дивизии пригодился для всей воздушной армии — газета «Крылья победы» на своих страницах открыла обсуждение нашей «боевой школы». К нам снова зачастили корреспонденты, писатели, кинооператоры. Статьи наших летчиков о взаимодействии истребителей в паре, о перехвате, атаке, разведке печатались в газетах. Приходилось и мне сидеть вечерами за столом, чтобы поделиться своими мыслями о патрулировании при многоярусной облачности, о бое на малых высотах.

Все ценное, приобретенное в сражениях раньше, падо было передать всем. Участие в тактических конференциях, теоретических дискуссиях, тренировочные полеты, выступления в газете — все теперь считалось важным, обязательным, нужным для победы. Мелочей нет, есть многообразная, целеустремленная жизнь в условиях фронта.

В эти дни много было работы политотдельцам, партийным и комсомольским организациям. Поход за границу, в чужие страны, требовал постоянного партийного влияния на сознание людей, укрепления воинской дисциплины, высокого понимания всеми почетного долга воина нашей страны.

В один из этих дней политотдел организовал поездку летчиков и техников для осмотра гитлеровского концлагеря в Майданеке. Когда машины с людьми возвратились домой, прямо на аэродроме возник митинг. Слова сами рвались из сердца. Наши авиаторы впервые своими глазами увидели «новый порядок», насаждаемый фашизмом в Европе. Пепел сожженных, трупы заживо зарытых в ямах (об этом можно было судить по их позам), огромные склады обуви тех, кто замучен в лагере (а там замучены и тысячи детей), звали к полному уничтожению страшной коричневой чумы.

В английской печати в это время публиковались призывы сердобольных леди к всепрощению гитлеровских палачей. Летчики, посетившие концлагерь в Майдапекке, отвечали английским буржуа готовностью сполна расплатиться с фашистскими инквизиторами.

Тем, кто творил зверства, прощения быть не могло.

Однажды, возвратясь из полка домой, я увидел журналиста Юрия Жукова. Он прибыл к нам, чтобы продолжить знакомство с летчиками и работу над своей книгой. Мы долго беседовали. Он готовился отобразить фронтовую жизнь авиаторов. Ему необходимо было непосредственное общение с летчиками, наши советы.

Мы вместе приехали на аэродром 16-го полка, я представил корреспонденту Клубова. О нем я много рассказывал журналисту в Москве, в самолете по пути в Новосибирск. Именно о таких летчиках, считал я, надо писать книги. К концу октября на счету Клубова было тридцать девять сбитых вражеских самолетов. Командование уже представило его к званию дважды Героя.

Час спустя мы с Клубовым были на полигоне, расположенном вблизи аэродрома. Истребители, находившиеся в воздухе, пикировали, прицеливались и стреляли по мишеням — квадратам, посыпанным белым песком. Когда в небе затихало, мы проверяли попадание. Клубов радовался: летчики стреляли отлично.

Вечером в том помещении, где жили летчики, демонстрировался американский фильм «В старом Чикаго». Он привлек зрителей из госпиталя и из соседних частей. Кинопередвижка немилосердно тарыхтела. Люди стояли, сидели на полу. Со стен на них хмуро смотрели портреты польских графов. В незастекленные еще окна задувал прохладный ветер. Потом играл духовой оркестр, который привезла сюда из соседнего села комсомольский работник политотдела Ирина Дрягина — популярная среди молодежи дивизии своими неисчерпаемыми затеями.

Гудел барабан, резко брали высокие ноты трубы. Но для танцев такая музыка была подходящей. Кружились все, кто мог поместиться в зале полуразрушенного помещичьего дома. Здесь когда-то гремели мазурки, теперь танцевали вальсы, фокстроты. Но это не удовлетворяло наших рьяных чечеточников.

— Давай «Сербияночку»! — потребовал Андрей Труд.

Когда этот лихой танец вовлек многих парней и девушек, когда барабан уже не в силах был заглушить топот ног, позвякивание медалей, горячие восклицания, я вдруг заметил Клубова. Он стоял один, прислонясь к стенке. Его обожженное лицо при тусклом свете было грустным.

О чем он думал? Я никогда не видел его таким отрешенным и подавленным. Неужели человек способен почувствовать несчастье?

Почему я в тот вечер не подошел к нему, не заговорил с ним, не развеял его мрачные мысли?

Дома я долго размышлял о нем, старался представить себе этого человека после войны, в семье.

Счастье мирной жизни Клубов уже оплатил тяжелыми испытаниями. Ребята рассказывали, как трудно он перенес ожог лица. Оно все было забинтовано. Кормили его друзья — заливали ему в рот сквозь прорезанный бинт жидкую пищу.

Девятнадцать лет спустя я прочел в книге Юрия Жукова «Один «миг» из тысячи» о том, что говорил ему Александр Клубов в свою предпоследнюю ночь. Его высказывания напоминали исповедь человека перед друзьями, перед Родиной. «Нашему народу не нужно с нас, летчиков, иконы писать. Ты так о нас расскажи, чтобы любой школьник прочел и подумал: «Да, трудное это дело. Но если с душой возьмется...»

Он был чистый, могучий человек... Да, я говорю наперед, он был... Если бы его не подвела машина... Но он погиб. Нелепо и трагически погиб.

В самолете, на котором он тренировался, отказала гидросистема. Я видел, как Клубов раз зашел на посадку и не сел. Он пропустился посадочный знак, наверное, потому, что не выпустились закрылки, уменьшающие скорость.

Когда он пошел на второй круг, я уже не мог заниматься ничем другим и напряженно следил за ним. (Я был тогда в штабе корпуса, получал указание.) Над крышей как-то тревожно прогудел «лавочкин», набиравший высоту. Через несколько минут он опять зашел на посадку. И на сей раз он немного перетянул, но колеса шасси уже «схватились» за землю, помчали. Увидев это из машины, я облегченно вздохнул и подумал уже, что зря волновался. Когда с самолетом в воздухе не все в порядке, тебе кажется на земле, что ты сам летишь в нем.

— Он скапотировал! — закричал шофер.

Я успел увидеть, как самолет медленно переворачивался «на спину».

Когда мы подъехали к месту происшествия, Клубов лежал под самолетом.

Мы извлекли его оттуда. Он еще дышал.

Приехавший врач спасти его не мог.

Ему покорялось огромное небо. А торфяное болотце, в которое закатился самолет и увяз колесами, принесло ему гибель.

Вся дивизия оплакивала Клубова. Он лежал в гробу, установленном перед Ли-2, на котором мы должны были перевезти его во Львов. Все техники, летчики сошлись сюда, чтобы проводить товарища в последний полет. Над нами с грохотом проносились истребители, стреляя в воздух длинными очередями из пушек и пулеметов. Казалось, они пытались растерзать пулями и снарядами самую смерть, впервые навестившую полк после того, как он остановился в селе у Вислы. Она отступала перед Клубовым, бежала от него прочь, когда он носился в небе, и подстерегла, когда он был на земле.

Мы, его друзья, произносили речи, не стыдясь мужских слез, говорили о бессмертии храбрых и честных воинов. Трофимов, Труд, Иванков — ведомый Клубова, защитивший его в десятках атак, — поднялись в самолет вместе с другими, чтобы проводить тело героя на родную советскую землю.

Через несколько дней после гибели Клубова, как раз перед Октябрьскими праздниками, радио передало Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его второй медалью «Золотая Звезда». Он был отмечен этим высоким званием как живой. Мы потом всегда представляли себе Клубова только живым, только стоящим плечом к плечу с нами.

В моей жизни Клубов занимал так много места, я так любил его, что никто из самых лучших друзей не мог возместить этой утраты. Он был беззаветно предан Родине, авиации, дружбе, — умный и прямой в суждениях, горячий в споре и тонкий в опасном деле войны!

Октябрьские праздники, прошедшие в наших частях с таким же подъемом, как и во всей стране, тоже не раз напоминали нам о том, что среди нас нет Клубова. В праздничные дни к нам как-то нагрянули целой гурьбой танкисты, стоявшие в соседнем селе. Они помнили Клубова по его боям под Львовом — он не раз там очищал небо от немецких бомбардировщиков.

— Что же вы не уберегли такого сокола? — спросили танкисты летчиков.

— Мы-то берегли. Машинна не пощадила.

— Самолет? — возмущился танкист. — Тоже мне машина. Я на своем тяжелом броневике одним заходом подавлю все ваши самолеты. Разве можно допускать, чтобы они людэй гробили?

Танкисты не могли успокоиться, узнав, как погиб их любимец.

2

Сразу же после праздников Красовский созвал на большой сбор командиров авиасоединений. Я встретил здесь уже знакомых военачальников.

Занятия начались с «проигрыша» условной военной операции. За огромным столом с рельефной картой стояли командиры корпусов и дивизий. В соответствии с наземной обстановкой перед нами ставились задачи взаимодействия с танками, артиллерией, пехотой. Лучше всех эти задачи решал генерал И. С. Полбин. Он чувствовал себя здесь так же уверенно, как над полем боя, в самолете, легко схватывал узловые ситуации наземного наступления, быстро находил объекты для «ударов» с воздуха.

Командиры оперировали большими силами авиации, и всем было ясно, что у нас, как и у наземных войск, достаточно боевой мощи для сокрушения обороны немцев на Висле. Командование заботилось теперь о том, чтобы тщательной подготовкой операции сократить наши потери в людях и технике. Наш народ отдал слишком много жизней, чтобы выйти на эти рубежи войны.

На сборе, во время перерыва, мне подали телеграмму. Я мельком взглянул на текст и, торопясь в класс, сунул в карман. Меня поздравляли с прошедшим праздником новосибирцы. Таких телеграмм в эти дни поступало много. О весточке из дому я вспомнил снова, когда уселся за стол, чтобы слушать лекцию. Вынул телеграмму, прочел: «...Поздравляем. Дочка. Жена чувствует себя хорошо». Дочка? Так у меня теперь есть дочка! Я — уже отец!..

Новое, незнакомое чувство переполнило душу. Я, кажется, обратил на себя внимание соседей. Горегляд посмотрел на телеграмму, которую я держал в руках. Еще кто-то прочел ее. По классу пошел шепоток.

Читавший лекцию генерал Утин умолк, потом спросил:

— В чем дело? Что за шум?

Поднялся Горегляд:

— Товарищ генерал, извините. Тут новость. У Покрышкина дочь...

Дружные аплодисменты, поздравления были явно вне программы занятий. Утин продолжил лекцию. Когда лекция кончилась, наступило время обеда. Все окружили меня. Ничего не скажешь — с молодого отца причиталось.

За столом было найдено и всеми одобрено имя дочери — Светлана.

Генерала Утина, который назвал его первым, тут же провозгласили «крестным отцом».

Оставшись наедине, я несколько раз перечитывал телеграмму, находя в ее тексте новые важные подробности. Мне представлялись дочурка, жена, весь наш дом, наполненный чем-то солнечным.

Но надо было ехать на полигон. Там начинался заключительный этап сбора — полеты на прицельное бомбометание, штурмовки, стрельбы по мишеням.

Лес. Полянки. Красные флажки, обозначающие границы опасной зоны. Вышка для наблюдений. Телефоны... Полигон оборудован отлично.

Генералы, полковники, подполковники, пожилые и молодые люди разных званий и возрастов собрались здесь, на наблюдательном пункте, и там, на аэродроме, откуда дается старт самолетам. Правда, наблюдающих гораздо больше, нежели тех, кто согласился сесть в боевой самолет. Некоторые генералы уже совсем отвыкли от штурвала, другие не решаются вступить в соревнование.

Первым поднялся в воздух Полбин. Он — командир и лучший бомбардир своего соединения. О полетах, о расчетах при пикировании он говорит с огоньком, при одном упоминании об этом преображается, молодеет. Летая ведущим больших групп, Полбин пришел к выводу, что «пешки» в работе над целью могут пользоваться совсем новыми приемами: вместо того чтобы высыпать бомбы все сразу, им можно встать в круг, как делают «илы», и бить по объектам противника прицельно каждой бомбой. Впоследствии этот прием был назван «вертушкой». Хорошо запомнил враг эту «вертушку».

Полбин заходил на цель. Глубокое пикирование. Взрыв. Самолет взмыл, пронесся над нами, покачав крыльями. Наблюдатели передали, что цель поражена отлично. Появившегося вскоре Полбина все от души поздравили с успехом.

Вот отправились на работу штурмовики. У них трудная задача. По трем рядом расположенным мишеням надо ударить сначала бомбой, потом реактивными снарядами и под конец из пушек и пулеметов. Рязанов и Каманин гордятся мастерством своих коллег. Сами, как говорится, уже отлетались.

Настал наш черед побывать в воздухе. Для нас подготовлена своеобразная цель: среди кустов поставлены бочки, набитые паклей, пропитанной бензином. Меткому стрелку нет надобности ждать сообщений с полигона, о его попадании сразу возвестит победоносное пламя. Но попробуй-ка попади в бочку с круто падающего истребителя!

Отстрелялся один, другой, третий, а бочки стояли целехонькими. Пришло время лететь мне. Моя задача неожиданно усложнилась тем, что все истребители «промазали». Надо было спасти нашу репутацию. Это волновало. А волнение всегда мешает в таком деле. Я отношу себя к тем людям, которые владеют собой, умеют укрощать возбужденные чувства. Как это делается — не знаю. Возникает сложное психологическое состояние. В подобные моменты я стараюсь переключать свои мысли на что-то другое, подумать о чем-то светлом, хорошем.

И теперь, садясь в самолет, я перестал думать о том, что кто-то не попал, что мне обязательно надо поджечь эти «упорные» бочки. Я вспомнил о телеграмме из дому, о маленькой дочурке. Да, она будет называться прекрасным русским именем.

Навстречу движется рыжим пятном дубняк. Скоро увижу бочки.

...Когда же закончится война? Какой я увижу свою дочь? Когда мы с Марией возьмем ее за ручки и поведем по зеленой, мягкой траве? Какая густая, высокая трава вырастает на таежных полянах! Сколько огоньков расцветает на них весной!.. Скоро увижу бочки...

Полигон открылся внезапно. Я ищу цель. Сначала нужно пройти так, чтобы присмотреться, прицелиться. Я спикировал, перевалив нос машины, и сквозь прозрачный круг пропеллера увидел точку. Она быстро приближалась, увеличиваясь в размерах. Уже можно стрелять. Там, на наблюдательном пункте, генералы ждут моих очередей, ждут эффектного попадания. В эти секунды я почувствовал, что обязательно подожгу бочки, я воспринимал их сейчас, как настоящие цели, которые необ-

ходимо поразить. Не для впечатления, не для репутации истребителей. Пули посылаются на землю не для этого!.. И все-таки я ощущал на себе взгляды тех, кто ожидал от меня демонстрации.

Вот они — бочки с порохом, взрывчатка, ящики со снарядами — в общем, что хотите, только не «игрушки». Я их прощупал взглядом, я возненавидел их и сейчас их уничтожу...

Пикирую по-своему, с переменным профилем. Бочка в прицеле.

Очередь — на земле вспыхнуло пламя. Второй заход, вторая атака, очередь — второй костер.

Теперь можно пронестись над зрителями совсем низко, чтобы все почувствовали, что такое истребитель.

Прекрасно на душе, когда возвращаемся из полета, совершив что-то нужное и для себя и для товарищей.

3

Началась европейская сырая, неудобная зима. Она настигла нас в том же селе, в которое перелетели жарким летом. Кажется, нигде мы так долго не засиживались на одном месте. Затишье на фронте, неподвижность угнетали, желание идти вперед, сражаться переполняло душу.

Когда полили дожди и залегли тяжелые туманы, мы ожидали начала наступления с похолоданием, с первым морозцем. Но декабрь не оправдал наших надежд — снежинки, скользя в воздухе, таяли, не долетая до земли.

Поняв, что наступление на нашем фронте, стоявшем на главном направлении, зависело от событий на всем театре войны, мы внимательно следили за ними. В начале декабря Советский Союз заключил договор о союзе и взаимной помощи с Францией. Указывалось, что этот договор должен служить «конечной победе над гитлеровской Германией». «Очень хорошо. Значит, скоро пойдем вперед», — рассуждали фронтовики. Но затишье продолжалось. На юге Второй и Третий Украинские фронты, освободив Белград, окружали Будапешт, продвигались к Австрии, еще одной державе — союзнице Германии в этой войне. Во второй половине декабря газеты сообщили о большом наступлении немцев в Арденнах. Их первые контрудары заставили союзников, недавно открывших второй фронт, откатываться на запад.

В Будапеште гитлеровцы расстреляли советских парламентариев, не пожелали вести переговоры о капитуляции окруженного гарнизона. Неслыханная подлость!

Мы с жадностью вслушивались в последние известия. Будут ли остановлены американскими и английскими войсками немецкие дивизии, рвущиеся к Льежу и Антверпену? Если нет, второй фронт будет фактически обесценен и немцы бросят против нас новые силы. А радио передавало: за восемь дней немцы продвинулись на девяносто — сто километров. «Не повторится ли Дюнкерк?» — спрашивали мы, ожидая на Висле совместного наступления на Германию.

Новый год мы отпраздновали в Мокшишуве. Польская елка ничем не отличалась от нашей, сибирской. Под поздравительной телеграммой из Новосибирска «подписалась» кроме мамы и Марии еще и дочка. А тост всюду повторялся один: «С Новым годом — годом близкой победы!»

Продвижение немецких войск в глубь Бельгии усиливало напряжение. В эти дни, как стало нам известно потом, премьер-министр Англии Уинстон Черчилль встревоженно писал И. В. Сталину о тяжелых боях на Западе, спрашивал, когда союзники могут рассчитывать «на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте». В ответе Черчиллю говорилось о том, что в этом наступлении «очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации», но что для этого требуется «ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь». Однако, учитывая положение союзнических войск на Западном фронте, Верховное Главнокомандование решило срочно закончить подготовку и, не считаясь с погодой, начать широкие наступательные действия. Седьмого января была обещана нашим союзникам помощь, а восьмого стоявшие у Вислы авиаполки уже получили приказ перелететь на сандомирский плацдарм, к самому фронту.

За два дня здесь все пришло в движение. Под покровом темноты войска перебирались за Вислу, уточняли планы, изучали район наступления. Вместе со своим штабом и я переехал ночью по вислинскому мосту.

Темень грохотала, дороги были забиты — к переднему краю шли танки, машины с боеприпасами, обозы. Грязь,

ямы, колдобины, рев, треск, ругань и белый снежок на башнях, лафетах, спинах солдат, короткое мигание фар и — медленное продвижение вперед. За Вислу. Ничто не способно было остановить эту живую реку, слившуюся с ночью.

Задача нашей дивизии — прикрывать танковую армию П. С. Рыбалко. Эту слишком общую задачу надо было конкретно разработать вместе с оперативным отделом штаба танковой армии. Чтобы явиться к ним для разговора не с одними картами, я решил проехать на машине вдоль переднего края того участка, где танкисты будут совершать прорыв вражеской обороны.

«Виллис» подбрасывает на мощенной бревнами дороге, он весь обрызган грязью и обмерз. У меня уже все болит внутри от тряски. Но до указанного нам пункта еще далеко. Упираюсь ногами, жмусь к спинке, остаюсь на весу, чтобы дать облегчение телу.

Проезжаем у самых огневых позиций артиллерийских батарей. Их вид заставляет забыть обо всем: орудие возле орудия, прямо на равнине. Снежок чуть припорошил их, вот и вся маскировка. Торчат стволы крупнокалиберных минометов. «Катюши» тоже стоят в ряд, нацеленные на запад.

Я тороплюсь к своим танкистам. Кажется, что вот сейчас прозвучит команда и грянет бой, а я останусь ни при чем, в стороне. Надо торопиться — на аэродромах ждут моих уточнений штабы полков, летчики.

Въезжаю в лесок — ни проехать, ни протиснуться. Гапки, танки, танки. Ребята греются у костров. Точно такая картина, какую я наблюдал с воздуха осенью 1942 года, под Ростовом. Куда ни взглянешь — железо. Земли не видно. И вдруг спрашиваешь себя: почему так беспечно сгрудились танкисты, стоит на открытом месте артиллерия? Да потому, очевидно, что теперь у всех есть полное доверие к небу — оно стало их надежной крышей.

В землянке штаба армии Рыбалко тепло, многолюдно. Знакомство короткое — мы уже взаимодействовали на поле боя, виделись на земле.

Разостланы огромные карты. Я посмотрел на длинные, мощно выгнутые стрелы, и меня взяла оторопь: вот оно — поле грядущей битвы, уже существующей в умах, в планах, в расстановке сил, в дремлющей где-то огневой мощи бомб, снарядов, мин. Один сигнал приведет сразу все в действие.

Мне рассказали, где, в каком месте танки вводятся в прорыв после артподготовки, какая ставится первая задача, вторая, третья. Они отмечены на карте, привязаны к местности.

— Каково ваше мнение? — спросил начальник штаба, обращаясь ко мне и переводя взгляд с карты на меня.

Мое мнение? Все замечательно, здорово, но дивизия, очевидно, сможет прикрыть танки только на главном направлении удара. Ведь ответвлений от него больше, чем веток на ином дереве. Мне очень подробно объясняют направление удара главной группировки танков, называют день и часы, когда она должна достигнуть определенных рубежей.

Мы, летчики, еще никогда так детально не согласовывали своих действий с танкистами. Теперь надо довести этот план в общих чертах до каждого командира эскадрильи, до каждого летчика. Они должны заранее представить себе, где проходят на земле эти мощные, гнутые стрелы, изображенные на картах. Так ясно представить, чтобы потом, во время полета, всегда видеть их с воздуха.

Утром я расстаюсь с танкистами, чтобы вскоре встретиться с ними в иных условиях. «Виллис» опять тарактит по мощеной, тряской дороге. Навстречу идут и идут колонны машин, и нам приходится иногда сворачивать и стоять, ждать «просвета».

Когда наконец добираюсь к своим, на аэродром, мне кажется, что я попадаю в совсем новый мир. У нас тишина, безмолвие. Медленно кружат снежинки и ложатся на крылья самолетов.

Я чувствую эту тишину и, как никто другой, знаю, насколько она обманчива. Скоро ее взорвут, растерзают в одно мгновение. И прежде всего взорвут там — в стане притаившегося врага.

Тишина перед бурей. Той самой бурей, которую мы с нетерпением ждем.